

16+

Наталья Волохина

Про баб – с

Женские сказки и истории

Наталья Волохина

Про баб-с

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41339722

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10697-0

Аннотация

Истории и сказки о женщинах – их печалях, радостях, глупостях, геройстве, да мало ли... Женщины. Романтичные, сентиментальные, прагматичные, целеустремленные – разные. Но все, как одна, если озарила идея, готовы ринуться в бой, а там хоть со щитом, хоть на щите. И если не получится коня остановить на скаку, то можно и верхом, в крайнем случае, с конем на руках. Обо всем этом, но через сказочку, с подтекстом. И если где-то ирония перекрывает сочувствие, то только потому, что смех – лучшее средство от всех проблем.

Содержание

От автора	4
Из сборника «Озорушки»	5
Камень счастья	5
Царевна, которая стала лягушкой	8
Собачья жизнь	12
Утиная история	14
Сказка про белого бычка, или О том, что мечтать вредно	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Волохина

Про баб-с

От автора

Как рачительная хозяйка, время от времени делаю ревизию в закромах. Последняя показала, что накопилось у меня много дамских историй. Таких же разных, как женская многомерная натура. И, если где-то ирония перекрывает сочувствие, то только потому, что смех – лучшее средство от всех проблем. К себе всегда отношусь с юмором, именно он помогает выжить и жить. Всем, независимо от пола, рекомендую его в качестве лучшего лекарства.

«А о чем же истории?» – спрашивает вдумчивый читатель. О женщинах – их печалях, радостях, глупостях, героизме, да мало ли... Романтичные, сентиментальные, прагматичные, целеустремленные – разные. Но все, как одна, если озарила идея, готовые ринуться в бой, а там хоть со щитом, хоть на щите. И, если не получится коня остановить на скаку, можно и верхом, в крайнем случае, с конем на руках. Обо всем этом, но через сказочку, с подтекстом.

Наталья Волохина

Из сборника «Озорушки»

Камень счастья

С одной дамочкой беда приключилась – стала она всего бояться. Ну, всего – всего: и того, что есть, и того, что нет. Маялась – маялась сердешная и пошла к колдунье. Та пошептала над камешком, завязала его в тряпочку и велела повесить узелок с камешком на шею, а как станет страшно, взяться рукой за него и все пройдет. Все у дамы сразу наладилось. Как испуг какой случится, она хватъ за камешек, и как рукой снимет.

Только через какое-то время снова с дамочкой неладное сделалось. Стало ее все раздражать: и запахи, и звуки, и добрые люди, и злые, и умные, и глупые. Даже собственный супруг раздражал беднягу до чесотки. Дочесалась она до кровавых корост и пошла к колдунье. Колдунья испытанное средство применила – пошептала над другим камешком и велела его тоже на шею повесить. Дамочка вмиг стала спокойная, уравновешенная, даже добродушная.

Но только судьба у нее, видно, была тяжелая, а может карма такая – испорченная, но несчастья бедняжку не оставляли. Много раз еще приходила она к колдунье: то видеть перестанет, то слышать, то запахи и цвета пропадут, то есть

ничего не может, а то ест все, вплоть до мебели. Страшно сказать, иногда забывала, как и когда нужно женщиной быть. Много у нее уже камешков на шее висело, так что ходила она, сильно вперед наклонившись, и ноги сильно подгибались. Мало того, камешки пришлось подписать, чтобы не путать и каждый раз все надписи не перечитывать, пока нужный найдешь.

Встретила ее как-то старая знакомая и еле узнала: «Что с тобой приключилось? Ты же у нас на курсе самая счастливая была?». И тут дамочка вспомнила, что со всеми своими несчастьями она вовсе разучилась быть счастливой, забыла, отчего и когда счастье бывает. Доплелась горемыка до домика колдуньи и стала просить ее Камень счастья сделать, а та в ответ: «Здесь я тебе не помощница. Камень тот только на Синай-горе добыть можно, в Тридевятом царстве». Решила мадам, во что бы то ни стало Камень счастья раздобыть и, хоть другие камни ее шибко вниз тянули, да и здоровье было не очень, все же отправилась в путь. А идти надо было непременно пешком, да семь железных сапог износить. Благо, сапоги купила китайские, дорога короче оказалась. Но дойти еще полдела – надо ж на гору влезть! Повстречалась ей у подножия старушка – седенькая, худенькая, одни кости да мудрость, аж светится.

- Ты пошто, сердешная, на гору лезешь?
- За счастьем, бабушка.
- А велико ли счастье, да в чем оно?

– Размером вот с камешек, да и само – камень.

– Ой, беда! Обманули тебя, горемычную! У тебя вон сколь камней, еле идешь, а счастья, как видно, нет. Не ходи ты туда, пропадешь, да и камни свои скидывай, все полегче станет. А я тебе молочка дам, козьего.

Только мадам ни в какую: «Что же я, зря такой путь прошла? Влезу на гору и буду счастлива всю оставшуюся жизнь!». Поуговаривала – поуговаривала её старушка, да и сгнула, как не бывало, а дама на гору полезла. Семь дней бедолага на карачках вверх лезла, а как долезла, осмотрелась и растерялась – какой же из них Камень счастья, когда они все одинаковые. Думала – гадала и решила, что они на волшебной горе все счастливые, а потому выбрала себе камень побольше, чтоб счастья поболее отхватить, взвалила на спину и вниз поковыляла. Только вниз – не наверх, дорога под уклон круто идет и камни с шеи перетягивают. Споткнулась она об кочечку и покатилась вниз. А как донизу докатилась, Камень счастья ее догнал и прямешенько в голову угодил. Тут из бедняжки и дух вон.

Давным-давно нет на свете дамочки, а камни её целехоньки, во-о-он кучкой под горой и лежат...

Царевна, которая стала лягушкой

Жила-была одна Царевна красоты несказанной, ума необыкновенного. И родители у нее были: мама и папа – Царь с Царицею. Тоже люди неглупые и симпатичные. Воспитание, конечно, Царевне дали царское. Обучили всему, что полагается царской дочке знать. Была она способная, училась прилежно, так что к совершеннолетию умела вести себя по-царски. Царственные мудрые повеления и ответы давать: «Да! Нет! Не позволю! Казнить! Помиловать!» – и тому подобное. А если ответа подходящего не было, царственно молчать. Мол, не достойны, плебеи вы несчастные, даже взгляда моего. Или брови грозно хмурить. Умела и пройтись с царственной осанкой, и сидеть величественно на троне, сколько этикет требует. Словом, настало время девушку замуж отдавать. Невеста она была видная и богатая, так что женихов набралось порядочно. Один даже приглянулся ей.

Вот тут-то беда и случилась, неожиданно-негаданно. В самый разгар смотрин раздался шум-гром и ворвался прямо в тронную залу Змей Горыныч. Народ попрятался, кто куда мог, а кто не смог, так просто на пол повалился.

– Что же это вы, Ваши величества, так неосторожны, так и убиться можно, – сочувствовал Змей, поднимая царственных родителей, – а у вас, между прочим, товар драгоценный, а у нас купец. Прошу выдать за меня дочку вашу – Царевну,

потому как я воспылал к ней страстью.

Сказал и огнем дыхнул так, что все занавески, как бумага папиросная, вмиг сгорели.

– Ну, вы как? Даете родительское благословение? – А Царь с Царицей не только слово вымолвить, но и рта раскрыть не могут.

– Вы, я вижу, онемели совсем от счастья, вам время нужно, чтобы опомниться. Я завтра прилечу. Только вот думаю, как бы мне аккуратнее спланировать, чтобы терем царский ненароком не задеть, да еще пару деревень. Сено, я видел, у вас совсем подсохло.

Загоготал он, так что стены затряслись, и улетел, только запах гари остался.

Рыдали много, даже голосили, особенно Царевна. Поутихли. Стали рассуждать, что жизнь, она дороже, что дело молодое, стерпится – слюбится. К тому же, Змей – жених богатый, вон сколь добра нахапал. Сунуться, опять же, к нему никто не посмеет. Царевна, поразмыслив, решила, что это даже лучше, когда у мужа три головы, с какой-нибудь, да договоришься.

Согласие дали и закатали пир на весь мир. Пили – ели, а жених – аж в три глотки. Паркет поломали и разъехались.

Постепенно Царевна к мужу попривыкла, вздрагивать перестала, и дома он редко бывал, все больше по делам. А как появится, какую-нибудь безделицу принесет. Она же и так, как сыр в масле каталась. И все бы хорошо, да пришла беда,

откуда не ждали. Был у дракона брат – близнец, из одного яйца с ним на свет появился. Решил он жениться. Взял себе в жены Королевну, тоже симпатичную и неглупую. Характер у золовки был спокойный, покладистый. А беда из-за самого деверя, змея проклятого, приключилась.

Жили они по соседству, в гости друг к другу заходили. Вот как-то зашла Царевна к Королевне в гости, а той муж подарок как раз принес – волшебное блюдечко и наливное яблочко. Все в нем видно, как в самом лучшем телевизоре с самой лучшей спутниковой антенной. Много было у Царевны чудесных вещей, а такой не было.

Пришла она домой и тут в первый раз заметила, что с лицом у нее что-то неладное, вроде как позеленела слегка. Слугам взбучку дали, как водится, на конюшне. Зеркало выдраили до блеска, но зеленоватый оттенок на коже у Царевны остался.

Все шестеро ушей прожужжала Царевна мужу, спать всю ночь не давала, только он все одно твердил, что не может ей блюдечка достать, потому как оно одно на всем белом свете.

Утром слуги, как Царевну узрели, вмиг попрятались, поняли, что им от такой зелени зеркало век не очистить. А она, как свое отражение увидела, так еще и волдырями покрылась от злости. Зеркала все перебила и у себя в покоях заперлась.

Змей ей и сапоги – скороходы, и скатерть – самобранку принес, а она только кричит не своим голосом, аж шея раздувается. Приводил муж к ней и свою давнюю приятельни-

цу – Бабу – Ягу. Только и она ничего сделать не смогла. Царевна с каждым днем все зеленей и пупырчатей становилась. Постепенно разговаривать перестала, только шею раздувала и квакала. Так Царевна окончательно превратилась в лягушку.

Горыныч за женой ухаживал – мух, комаров приносил, корыто с водой поставил, каждый день с ней разговаривал. Но потом все реже и реже стал в её покои заглядывать. Мужчина он был молодой, в полном расцвете сил, всего триста лет недавно стукнуло. И присмотрел себе невесту – Царевну Несмеяну. Такая видно у него судьба была, не везло ему на невест. Но змей, как и все мы, надеялся на лучшее. Да и где же их, невест царских, наберешься? А лягушку он перед свадьбой отнес подальше, на болото. И еды полно, и жильем обеспечена.

Осталась Царевна – лягушка на болоте одна – одиначенька. Хотела было жалобно заквакать, но тут возле нее стрела упала, она ее подняла и стала рассматривать. Тогда-то и нашел ее Иван – царевич, но это уже совсем другая сказка...

Собачья жизнь

Родилась одна Собака. Вернее, сначала она не собака была, а щенок. Бегала, резвилась, грызла все подряд, ела, что дадут и что найдет. Но постепенно выяснилось, что бегать можно только на длину цепи, есть можно, что и сколько дадут, а, главное, делать нужно только то, что велят. Велели же, разное, скучное: лаять на кого нужно и то не вразумительно, а, чтобы боялись; вилять хвостом ни в коем случае нельзя – узнают, что добрая. Самое нестерпимое – обнюхивать, кого нравится, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ!

Постепенно бегать, лаять, вилять хвостом понарошку наскучило, и Собака делала все эти когда-то приятные вещи только по необходимости. Хвостом виляла иногда – перед хозяевами; лаяла хорошо поставленным басом, не вставая с места, только если кто-то близко к хозяйскому добру подходил; брезгливо, неохотно обнюхивала породистого пса-медалиста, которого ей каждую весну приводили. От него у нее и дети были. Только были они с ней недолго. Через месяц-другой после рождения щенков увозили в престижную школу-питомник и больше Собака их никогда не видела. Словом, жизнь настала собачья. И от этой собачьей жизни выть хотелось по ночам, но было нельзя.

Давно, в молодости, Собака не раз пыталась вырвать кольцо из цепи, чтобы перемахнуть через забор, но со време-

нем поняла – рваться бесполезно, оставалось тоскливо смотреть сквозь прутья решетки на улицу. Раньше её волновала уличная жизнь. Она вздрагивала от запахов, звуков, вступала в собачью перебранку, но постепенно, уяснив, что та жизнь ей недоступна, все реже и реже подходила к забору, а потом и вовсе перестала. Не то что бы Собака состарилась, просто ей все стало ясно в своей незыблемости и неинтересно.

Иногда хозяин, решив, что Собака залежалась, отяжелела, заставлял ее по целому часу бегать, приносить палку. Вроде бы, разнообразие, но беготня не приносила ни удовольствия, ни радости, а была скучной обязанностью. Хоть век собачий короток, Собака чувствовала – жить ей еще долго, потому все чаще и чаще хотелось выть по ночам, но она только поскуливала тихонько.

Тем утром Собаку расчесывали. Ошейник сняли, но Собака послушно стояла на месте, до тех пор, пока не распахнулись ворота. И тут неожиданно сильный запах незнакомо-го пса резанул ноздри. Горячая волна забыто прокатилась по всему телу и толкнула Собаку вперед, на улицу. Она не бежала – летела со скоростью локомотива. Конечно, никакие окрики и команды не в силах были её остановить.

Так началась ее новая собачья жизнь.

Утиная история

Если бы я была человеком, меня наверняка занимал бы вопрос, что появилось сначала – яйцо или курица? Но я утка и меня этот вопрос совершенно не интересует, потому что я знаю ответ: сначала яйцо, потом утка, следом яйцо, дальше утка. И так в любой последовательности, до бесконечности. Я точно знаю, что все время была и яйцом, и уткой бесчисленное множество раз. Слишком уж умный разговор для безмозглой утки? Ума у меня, действительно, почти нет, но опыт огромный. Когда яйцо вызревает во мне, я точно знаю, что оно уже и яйцо, и утка.

Все так привычно, что могло бы наскучить, если бы не утиные радости: первый раз самой найти червяка, первый раз нырнуть в воду и поплыть, первый раз снести яйцо. Самая большая радость – первый раз отозваться на зов селезня. Хотя, случаются и неприятности: товарки повыщипывают перья, петух наподдаст шпорой, куры яйцо склюют из вредности. Приходит и Большое несчастье – День забоя откормленных уток. И хотя знаешь, что яйцо уже есть, процедура малоприятная.

Так все и шло своим чередом, пока однажды утром Хозяйка не впустила в птичник Новенькую уточку. Когда такое случалось, весь птичий народ оживлялся. Событие! И присмотреться надо к новенькой, и себя показать, и, если что,

на место ее поставить. Только Новенькая уточка сразу странно себя повела – не по-утиному. К нам спокойно подошла, как ни в чем не бывало, будто всегда тут и была. А когда Главный гусь, ошалевший от такой наглости, попер на нее, даже не шелохнулась, но как только задира вплотную подошел, неожиданно подпрыгнула и толкнула изо всех сил грудью в его грудь. Главный гусь через голову назад перевернулся, да так и остался сидеть. Ясно, что никто больше не рискнул права качать. Все сделали вид, будто ничего не случилось.

Она, конечно, от нас отличалась. Перышки черные, на крыльях красные и зеленые полосы с отливом, как у селезня. Но красотки у нас и раньше бывали. Хозяйка чудила, все хотела новую породу вывести. И смелые утки бывали. Но по-настоящему она нас вечером удивила, когда свет в птичнике погас. Мы в кучку сбились, пригрелись и только засыпать начали, новенькая заговорила, первый раз за весь день: «Когда я была сойкой, спала на ветке, в одиночку. Уткой спать удобнее, уютней».

Все просто онемели от изумления. Правило Света никогда никем не нарушалось. Свет погас – ночь, надо спать, свет горит – день, надо есть. А тут ТАКОЕ! Даже куры проснулись. Но самым удивительным было то, ЧТО она сказала. И до нее были у нас хвастливые пришлые утки, но сочиняли они обычно про то, что когда-то летали, как дикие сородичи, или были где-то дальше птичника. И балаболили обыч-

но днем. Но это! Ни в какие ворота, да и ума ни у кого нет, чтобы сообразить, что ответить или спросить. Она поняла, про нашу сообразительность, и сама продолжила, без вопросов: «Я раньше не только сойкой была, но и другими разными птицами». Тут к нашей Главной утке дар речи вернулся, и она авторитетно заметила:

– Утки могут быть только утками.

– Вовсе нет! И вы раньше не только утками бывали, да сначала расхотели другими быть, а потом забыли, как это делается.

– Правду говорят, глупее утки – птицы нет, – съязвила Главная курица, – ты, милочка, спи, а то вес потеряешь, чего доброго.

Птицы переполошились и запричитали:

– Так недолго и вес потерять! Не мешай спать!

Уточка замолчала. Но на другой день, когда мы с ней рядом в пруду плавали, я не удержалась и спросила:

– Ты часто такие вещи придумываешь?

– Что ты? Я ничего не придумала, я, правда, все помню. Мы можем стать кем угодно после Дня забоя, нужно только Очень Захотеть. Больше всего мне понравилось быть собакой. Все тебя слушаются, Хозяйка с тобой дружит, бегать можно куда угодно. А там, где угодно, столько интересного. Я теперь обязательно снова собакой буду. Прямо сегодня начну тренироваться.

И ведь не обманула. Вышла из воды и давай отряхиваться

как собака, только брызги во все стороны полетели, потом давай по земле кататься, перья сушить – ну, точно, наш Трезор. На этом не успокоилась, стала показывать, как червяка охранять. Только лаять у нее не получалось.

Самое замечательное началось, когда она за Хозяйкой стала ходить и её охранять. Хозяйка Уточкины странности заметила и говорит: «Как щенок за мной следом ходит. Порода что ли такая?». Стала новенькую Ньюшей звать. Мы все оставались просто утками, а она – Ньюша. Принесет Хозяйка таз с едой и первым делом зовет: «Ньюша! Ньюша! – а уж потом всех остальных, – Утя! Утя! Утя!» Обижались многие, особенно Главная утка, но помня про падение Главного гуся, на конфликт не решалась.

Все случилось осенью. Уже заморозки начались, близился День забоя. Все со страхом его ждали, Ньюша ничуть не тревожилась, напротив, оживилась и все твердила: «Наконец-то я стану собакой». Внимания на нее не обращали, давно решили – ненормальная. И вдруг, Ньюша пропала. Вечером, как всегда, уснула, прижавшись к моему боку, а утром исчезла без следа. Хозяйка звала её долго-долго, привела Хозяина, он все щели проверил, даже на потолке, все искал лисий лаз. Но никакого лаза не обнаружил. Обыскали все кусты вокруг дома, звали-звали Ньюшу, но она так и не откликнулась. Хозяйка еще долго, заходя в птичник, искала Ньюшу глазами.

Настал День забоя. Обычный страх, паника, темнота сменились теплым покоем в яйце. День рождения, первая трав-

ка, первый червяк. Про Ньюшу я, разумеется, забыла. Однажды к сетке птичника подбежал щенок и стал тявкать на меня. Я на всякий случай отошла в сторонку, но не испугалась, знала – ему меня не достать. А он все лаял и лаял, но вдруг заговорил по-утиному: «Совсем забыла, что ты не помнишь по-собачьи». Я опешила, только таращилась молча, глупая утка. «Что же ты, совсем меня не помнишь? Ведь я – Ньюша!». И тут я все вспомнила, но ответить не успела. Хозяйка закричала: «Нюша! Нюша, ко мне, что ты там забыла, у птичника?».

После нашей встречи я твердо решила в следующий раз стать собакой и начала тренироваться, как Ньюша раньше. Но выходило у меня плохо, я не помнила, как это делается. Чем больше я весила, чем ближе был День забоя, тем меньше верила, что у меня получится. И однажды, когда погас свет, вместо того, чтобы вспоминать, заснула с мыслью: «Зачем? Мне и так неплохо. Главное, пережить День забоя, дальше все снова будет прекрасно». И перестала тренироваться, набрала хороший вес, даже больший, чем у Главной утки. И когда подросшая Ньюша подходила к сетке и звала меня, делала вид, что не слышу.

Потом наступил День забоя...

Сказка про белого бычка, или О том, что мечтать вредно

Одна Принцесса очень хотела стать Королевой. Ну, очень-очень! Только, как известно, королевой можно стать, когда мамка, папка и братья помрут. Братьев у нее, слава богу, не было, папка помер давно, а вот мамка была – вдовствующая Королева. Потому Принцессу советь мучила, что, вроде как, смерти мамкиной желает, хотя мамку она очень любила. Тут мамка заболела, срочно померла и Принцессино желание исполнилось. Но наследницу чувство вины невыносимо мучило – вдруг мамкину смерть ее желание власти приблизило (книжек умных начиталась по психологии царствования) – и радоваться в полную силу она не могла. Вот и страдала бедняжка, хотя дело свое королевское знала туго. Но постепенно втянулась, горевать забыла – все дела, да дела.

Однако, беда никогда, как известно, не приходит одна. Девушкой (или не девушкой) Принцесса была в самом соку и мужчины ее своим вниманием баловали, не только из-за сана её королевского, а и по другим поводам: и фигуристая, и лицом недурна, и шуточку отпустить может к месту, одевалась со вкусом, харизма, опять же, имелась. Ханжой Принцессу не назовешь, что и с кем было – все само собой разумелось. Короче.

Погода была ужасная, Принцесса была прекрасная и она заблудилась в лесу. Да-да, не смейтесь, но так оно и было. Набрела в жуткую непогоду на шалашик и укрылась от дождичка. Хозяина на месте не случилось, вернулся погода, оказался Лесником, приятным таким мужчиной. Телом крепок, собой хорош, немногословен. Дров нарубил, воды наносил, кашу сварил и, чего там еще ночью в шалаше нужно, все, как следует, справил.

Утром Премьер – министр Принцессу отыскал, во дворец доставил, Леснику золотой за труды оставил. Казалось, все хорошо, все довольны. Ан, нет, с Принцессой (то бишь, с Королевой молодой) беда. И вот почему. Жила – то она, бедняжка, до сих пор во дворце, отродясь не видала, чтобы кто из мужчин какую работу руками делал, и не руками тоже не особо получалось, кроме языка, разговоров, в смысле, ничем не владели. Потому Лесник поразил её в самое дамское сердце. Оно бы и ладно, поразил и поразил. Перевели бы в постельничие или она романтично к нему, по тропинке проторенной, в шалаш навевывалась. Не тут-то было!

Решила Принцесса, что не так жила до сих пор, не о том мечтала, не те цели ставила. Надо жить в простоте, своими руками хлеб насущный добывать и природе вокруг себя радоваться, и простого мужчину в шалаше любить. В том и назначение человека, а не в суете власти. Девушка она была решительная, цели-мечты одним махом поменяла, от трона отреклась в пользу Премьер-министра и в шалашик к Лес-

нику жить ушла.

О-о-ох! Печку топила, кашу варила, белье стирала – все с королевским спокойствием. Любому зайцу, ягодам-грибам, что Лесничий приносил, радовалась, как победе в походе против иноземных государей. Только он не часто приносил, все больше ее по ноге гладил, а питались на побрякушки Принцессыны, в ломбард заложенные. На эти же денежки он ей и королевские подарки дарил, а она радовалась, как дитя.

Как-то ушел муж на охоту и долго его не было. Принцесса извелась вся – как бы зверь дикий не загрыз. Молитвы молила, гаданья гадала, аукать ходила – ничего не помогло, не вернулся. Простилась она с ним, решила, за мамку это ей наказание, за то, что при живой матери хотела королевой стать. Посидела-посидела в шалаше одна и решила на царствование вернуться, но не вышло, Премьер ее на порог не пустил, обещал собаками затравить, если не уйдет. Она ушла, не из-за собак, они бы ее не тронули, знали, из гордости.

Но талант и кровь королевскую, их в шалаше не проживешь, в лесу не зароешь. Устроилась Принцесса управляющей у знакомого герцога, денежек заработала, капиталчик на обороте сколотила, землицы прикупила и новое королевство сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.